

Владимир Козлов

красивый
добрый
страшный
лживый
смелый

ЧЕЛОВЕК- НЕВИДИМКА

книга
верлибров

Владимир
Козлов

Владимир Козлов

красивый
добрый
страшный
лживый
смелый

ЧЕЛОВЕК- НЕВИДИМКА

книга
верлибров

Москва • Воймега
Ростов-на-Дону • Prosōdia
2020

УДК 82-14
ББК 84(2)6
К59

Идея обложки:
Владимир Козлов

Оформление и макет:
Мастерская
Антон Чёрного

Козлов В. И.

К59 Красивый добрый страшный лживый смелый человек-невидимка : книга верлибров / Владимир Козлов. — М. : Воймега ; Ростов-на-Дону : Prosōdia, 2020. — 124 с. : ил.
ISBN 978-5-6043511-9-2

«...человек-невидимка» — четвёртая поэтическая книга Владимира Козлова — и первая, написанная верлибром. Свободный стих в руках автора превратился в барочную разговорную форму: все тексты этой книги написаны одним предложением. В. И. Козлов показывает многообразие возможностей этой формы, отсылая читателя, с одной стороны, к рефлексивному стилю кухонных разговоров, сочетающих психологическую точность со стремлением додумывать мысль до конца, с другой стороны — к проблематике современного искусства, размышляющего о собственной возможности. Книга писалась десять лет — с 2010 по 2020 годы, ряд текстов публиковались в журналах «Дружба народов», «Новый мир», «Новая юность», «Prosōdia», «Плавучий мост». Издание включает серию предметных указателей, которые позволят читателю сориентироваться в художественном мире книги.

УДК 82-14
ББК 84(2)6

ISBN 978-5-6043511-9-2

© В. И. Козлов, текст, 2020
© А. В. Чёрный, оформление, 2020
© «Воймега», 2020

«Запустил я себя как личность», —
подумал Южин.

Д. Гранин. Иду на грозу

Условные обозначения:

☺ герой

🧑 другой

↕ конфликт

❄️ деталь

🌐 образ

§ абстракция

🎵 МОТИВ

I

Рисунок дерева

древо
жизни

Навести порядок в доме — значит
наточить карандаши;

кубический
долг

мерцающая линия
скомканной фисташковой футболки
расходится омывающими вертикаль
и подсвеченными глубиной окна волнами тюля,
продолжается уставшим кварцевым пиджаком,
высокой канареечной стеною шкафа,
на её отражающей поверхности

орнамент /
фигуры

заметны отпечатки пальцев,
которым, должно быть, уже не один год, —

мерцающая
линия

орнамент в результате производимой жизни
продолжается во все стороны,
в нём — бесстыдство наших проявлений,
в нас — бесстыдство видеть их орнамент,
ритм, которому только и ждёшь отдаться,
и куда он заведёт, известно —
к влажному от сытости носку,
прилипшему к паркету в самой его пыльной части
под батареей,

ручей
чувственности

однако
линии чувственности поведут бесстрашных дальше,
под плинтусом должна быть щель —
щель обнаруживается везде, нужно только поискать, —
за нею — новая жизнь;

залапанная
геометрия

возникающая рифма
сродни разбухающей плоти

невоспроизво-
димая связь

на фоне залапанной геометрии,
обжитой в качестве комнаты;
на чьей мы стороне? —
на стороне фигур?
кубического долга?
треугольных скреп?
или орнамента, текущего, как струйка
пролитого — и уже капает на пол? —

фигуры лишь крепчают в результате пересказа,
орнамент исчезает вовсе — и не вспомнить,
как были связаны
не далековатые,
а самые что ни на есть, как А и Б, —
их связь, окажется на деле,
настолько невоспроизводима,
что будет забыта,
как только по цепи пройдёт разряд, —
в эту подробность уходят все силы,
вся любовь;

эти ручьи чувственности, если представить,
что они текут откуда-то сверху,
где-то должны сливаться в поток,
его весь забирает земля,
бездна земли,
и возвращает —
не треугольниками и квадратами,
а деревом, чьи ветви
проходят тот же путь
в обратную сторону;

дерево вернёт цвета
и обязательно расскажет о тебе,
насколько жизнь твоя
была щедрa, густа, ветвиста,
плодоносяща.

Потерянный язык

Нет, одиночества не было, ведь
одиночество — это почти поступок,
притом неприличный, а тут
нечто врождённое, типа
отъединённости от других, —

так вот, это нечто,
как говорят, «от противного», сильно
располагало к общению, причём
даже в самых навязчивых и рукодельных формах,
которые изучают в Европе
на факультетах общественных коммуникаций, —

в итоге, стараясь общаться всегда и везде,
взгрызаясь даже в причудливые языки,
работая в поте лица
на рядовых четырёхчасовых обедах, чей
уровень определяется общим числом
блюд и персон,
мы как-то забросили свой
собственный, на кухнях наработанный язык,

забыли, зачем уважать молчунов,
решили счесть буками этих мыслителей в свитерах,
слишком подолгу подбирающих слова,
отвыкли пытаться понять
те очень сложные тонкие связи,
из необходимого колтуна которых
нужно выпутывать очень
простые и сильные чувства,
чтобы их не потерять.

собственный
язык

мыслители
в свитерах

кухни /
факультеты
общественных
коммуникаций

рядовой
четырёх-
часовой обед

колтун

простые
и сильные
чувства

выпутывание

Исходная точка

свобода

Мы заплыли туда,
где некому будет заметить, что мы пропали, —

друг
детства

не правда ли — это особенная свобода:
выпасть из времени, ориентироваться по солнцу,
вспомнить название травы и звать её только по имени,
своими глазами увидеть, как мелкая птичка
нападает на крючконосого хищника,
отгоняя его от гнезда,
отыскать недостроенный шлюз
в часе езды на моторной лодке
от мест, где купаются дети, берёт телефон, —
свобода похлопать рукой

деловая
и духовная
жизнь

по петровской руине, ведущей в тупик,
свобода охотника, не знающего ни вчера, ни завтра,
но имеющего надевать червя
на крючок и выводить добычу;

копошение
пичужек

мы с другом детства
смотрим из лодки на три самолета,
размежевавшие небо раздвоенными хвостами,
всю дорогу мы разбирали
позиции стран по Сирии и Донбассу,
одних любителей дешево попиариться осуждали,
других поощряли,
обсудили промышленное строительство в Волгодонске,
где компании исчезают вместе со стройкой,
убитую трассу до атомной станции,
безвольного приезжего сити-менеджера,
которого так легко местные взяли на понт,

изгиб
реки

желанье
начать заново

удинение

а в какой-то момент мы выключили мотор
и замолчали, вглядываясь в копошеньё пичужек,
над которым летают стальные птицы, —

мы находились в той точке,
из которой и стал создаваться наш мир,
и сейчас, отыскав её,
я не мог подавить желанья начать создавать его заново,
только медленнее, осторожнее, так,
чтобы этот изгиб реки
вместе со всей тишиной и жужжаньем
не прятался, а был центром
деловой и духовной жизни.

За минуту до пробуждения

Под утро я наконец замерзаю
и обнимаю тебя со спины,
мы ещё дремлем,
но уже с осознанием счастья,
состояния, которое не получается удержать,
настолько не получается,
 что мы и заснули глубокой ночью,
уничтожая друг друга, не в силах остановить
порождающие друг друга фразы,
уводящие в чёрное одиночество
всё безвозвратнее, — мы не знали,
как перестать
требовать больше,
и мы ещё дремлем
и наконец вспоминаем,
как мы на самом-то деле несчастливы
в свете вчерашних событий,
и лицо, глаза которого ещё не открылись,
становится хмурым впрок,
сердце же тяжелеет настолько,
что трудно встать и носить его, —
непонятно,
что надо сделать с собой,
чтобы стать самооценным
независимым индивидуумом,
профессиональным потребителем этого мира,
а не наоборот —
безликой сущностью в одной рубашке,
знающей одно лишь счастье,
умеющей только одно — мгновенно
входить в состав чужой крови,
не растворяясь в ней.

безликая
сущность

чужая
кровь

растворение /
независимость

хмурое впрок
лицо

чёрное
одиночество

§
профессиональ-
ный потреби-
тель мира

сон
и счастье

Вопрос о верлибре

нищий
духом

Существуют ли
бог вдохновенные верлибры?
или кривая, задыхающаяся речь —
каинова печать?
знак вырождения?
службы уже не гармонии,
а её безобразному антиподу?
точно не знаю, но я
далёк от мысли о том,
что вырождение нас не коснулось,
как и от ощущения, что эти речи —
наибольшее из того, на что я способен,
нет, скорее —
это то самое хоть что-то:
собрание того, что рассыпалось, —
просто ищешь очередной осколок
разбившегося человека
и нанизываешь, чтобы снова не потерялся, —
так может ли быть этот труд
чернорабочего, нищего духом
вдохновлён небесами? —
только на то и надежда.

разбившийся
человек

гармония /
вырождение

осколок

кривая
речь

собрание
человека

труд,
надежда

Очередь на разговор

каждый

Недавно вдруг заговорили
о ветеранах необъявленных войн,
которые вдруг стали не секрет;

ветераны
необъявлен-
ных войн

правильно заговорили, чего уж,
всем нам есть чего добавить,
но, чтоб не упустить душевного прорыва,
хочу буквально через запятую
поставить в очередь на разговор

память /
забвение

людей, забытых на распиленных заводах;
книжных червей, когда-то
 похожих на мальчиков и девочек;
ученых, умеющих в одиночестве
ходить по стенам и потолку;
мастеров дел заплечных,
рассматривающих вечером свои ладони;
шахтеров, не узнавших однажды поверхности;
спортсменов, бегущих от пустых трибун в бандиты;
помянем собственно бандитов,
которые изобрели лохов;
помянем работяг —
царей на пяточке уже ничьей земли;
с ума сошедших — ибо должен кто-то
сходить с ума в такие времена;
и тех, кто вырвался, и в том числе —
из рук, просящих помощи, —
а были ведь и немощные,
которым выпало болеть во времена,
когда и здоровые были несчастны, —

пустые
трибуны

такие
времена

список
достойных

память
и слёзы

и каждому сегодня
есть кого добавить в список
достойных не столько ветеранских планок,
сколько памяти и слёз.

Догоняющие сны

состоянье
дремы

Он даже не может пройти по прямой —
отклонения неизбежны,
его работой должно быть — сидеть в кафе,
пить кофе, смотреть в окно,
что-то записывать на салфетке;

никакой
возможности
проснуться

он силы черпает из снов,
его питает состоянье дремы,
необязательность, бесцельность связей
между элементами сознания:
словами, памятью, мечтой —
и прошлое вдруг получает срок дожития,
фантазия трудолюбиво заполняет
ложными воспоминаниями графы
упущенных возможностей,
используя буквально первые
пришедшие на ум слова, —

фантазия /
реальность

записки
на салфетке

и всё-таки реальность обгоняет его сны:
тут страх — страшнее, жажда — нестерпимей,
а если смотришь девушке в глаза,
то никакой возможности проснуться, —

дорога
к дому

он лишь боится обогнать их навсегда,
так обогнать, чтоб лошади, собаки и пегасы
дороги к дому не нашли,
назад дороги — к эмпирею,
в котором небывалая рыбалка,
где куда ни глянь, везде клюёт
и улов не охватить умом.

эмпирей

небывалая
рыбалка

Судьбоносная деталь

одна
черта

Я видел её несколько минут;
мне показалось, у неё лишь одна черта:
губы — как незажившая рана;
казалось, ей их больно сжимать,
и даже когда она их подбирала,
те местами вырывались из границ —
будто из нескольких ягод малины
никак не получается сложить девичий рот,
и вместе с образом набухшей боли
жил образ зрелой ягоды, налившегося плода;

образ
набухшей боли

судьба /
история
покруче

вот и судьба её; и ничего не скажешь —
жизнь сотворена одним мазком:
помимо губ, в ней нечего и вспомнить, —
но примет ли она судьбу? смирится ли?
а ведь смирение вызывает силы,
которые летят на боль и сок,
которые до гроба не отпустят;
или — в линию сожмёт и переломит?
придумает свою историю покруче?
захочет сотворить себя сама?

несколько
ягод малины

девичий
рот

§
незажившая
рана

сотворить
себя

Тема розы

чувство
красоты

Расселся на тесном балконе —
первый этаж гостевого дома —
вино, ноутбук, пара мыслей —
а сбоку оказался куст,
куст цветущих роз,
они разыгрывали персиковый цвет,
варьируя насыщенность, прожилки,
а главное — развёрнутость, открытость,
но большинство — пушилось перезрело,
цветы показывали все возрасты,
и было только два бутона,
о которых если говорить, то только
про совершенство напряжённых линий,
расходящихся под натиском созревшего творенья;
взглянув на них, однако,
я оробел,
поскольку формы этого бутона —
настолько общее, доступное, неувидительное место,
что перед мгновенным чувством красоты
я ощутил бессилие его спасти
от штампов скетча, трафаретов граффити,
от наглости татуировок, пошлости романсов,
слащавости принтов на девичьих футболках,
гламура косметических компаний
и самовыражения больших художников —
есть просто роза,
и этой розе завтра предстоит
взрыв зрелости, миг процветанья,
триумф среди обвисших форм
доброжелателей и похотливых сластолюбцев,
ей завтра предстоит открыть свой запах,

штамп
и трафарет

красота /
общее
место

запах
розы

созревшее
творенье

бессилие,
предвкушение

я мучаюсь заранее, предвкушая
запах: я ощущал его на коже,
на милой коже, он остался,
он навсегда на ней, —
на следующий день цветок был срезан кем-то,
куст выглядел теперь руиной,
я чувствовал себя примерно так же,
и только мысль о том, что он сейчас кому-то служит,
слабо утешала,
я написал страницу
и вспомнил, что бутонов было два,
я встал, вгляделся в глубину куста:
ну да, он там — и он расцвёл,
я сел счастливый, не пытаясь его нюхать.

Пример массового фегу

и при всех кривизнах массовых
революций;

картина, сгущающаяся до массы

стан. ^{массы,} в 1 и имеет до момента
не обнаруживая, сгущения в ней. —

и с тем же
массой не чего, одно сгущение
выражается в массе мутности,
выражая в массе сгущения сгущения,

вспомогательные в ширине,
шарик и сферу в сгущении, —

энергетическая с массой сгущения
и сферичности —

всего сгущения в сгущении,
масса сгущения

сгущения сгущения сгущения
сгущения сгущения сгущения

сгущения сгущения сгущения
сгущения сгущения сгущения

сгущения сгущения сгущения
сгущения сгущения сгущения

сгущения сгущения сгущения
сгущения сгущения сгущения

сгущения сгущения сгущения
сгущения сгущения сгущения

сгущения сгущения сгущения
сгущения сгущения сгущения

сгущения сгущения сгущения
сгущения сгущения сгущения

сгущения сгущения сгущения
сгущения сгущения сгущения

сгущения сгущения сгущения
сгущения сгущения сгущения

II

Вкус кофе

Они собирались вокруг созревающего кофейника
числом от трёх до семи,
уединившись на краткое и, как правило, позднее время,
и этот вкус,
соединяющий горечь и сладость,
владел их сознанием — так сладко
было отринуть всю тяжесть нажитых связей,
оставить их за дверью кухни,
как горько
вдруг становилось при взгляде наружу:
на долю, заботы, семью, увлечения —
всё жалкое такое, бедное, напряжённое и скупое —
так мало воздуха, но они
всё же украли себе немного
и вот собираются теперь в одном и том же доме, —

кофейник продолжал и продолжал варить,
варить свою горчащую свободу,
и от неё уже подрагивали руки,
глаза уже светились в темноте, —
и какая-то иная форма жизни
начинала копошиться под ключицей,
и было ясно — ничего не удержать;

прошло семь лет — и каждый, кто там был,
стыдится вспоминать об этих временах
и никого не приглашает в гости,
храня свои остатки того мира,
который было сладко вместе поливать презрением;
и кто-то дома варит кофе —
вкус его теперь совсем иной.

горчащая
свобода

остатки
того мира

горечь
и сладость

глаза,
светящиеся
в темноте

созревающий
кофейник

иная форма
жизни

мало воздуха,
стыдно
вспоминать

Положение в кресле

Я тут поймал себя на том,
что привязался к паре положений тела в кресле,
в которых чувствую себя уверенно —
так сказать, хозяином положения, —
и нужно заметить, что это довольно приятно:
минуты абсолютной пустоты в сознании,
несомненной самодостаточности,
чистого пребывания в полноте,
чего ещё надо? —
а потом я почувствовал, как затворяются поры,
как в самодостаточности проступает «достаточно»,
обращённое вне, — и от этого
жидкий металл моего нутра
больше ничто не способно
поддерживать в жидком виде —
я превращаюсь в монумент — и почему бы нет,
но интересное — потом:
я чувствую в том состоянии,
как неслышно начинают работать
те приводные ремни, которые
раскручивают не абы что,
а маховик насилия;
я чувствую, чем платит мир за состоянье,
которое я счел приятным,
и лик мой каменный —
ответ на кровь, на ещё больше крови,
и мне не страшно даже —
дальше
я понимаю, что надежды нет,
что ничего не сохранить,
что подломившаяся ножка кресла

пребывание
в полноте

монумент

самодостаточ-
ный / бесфор-
менный

кресло

положение
тела

маховик
насилия

спасенье

имеет шанс разрушить мою жизнь, —
и только здесь я наконец пугаюсь —
меняю позу, становлюсь бесформенным и жалким,
пригодным для спасенья.

Морок

обида

Вместо заказанного капучино ей
принесли американо,
а потом бутыль шампанского по карте гостя
в дар к просроченному дню рождения —
и вот она глядит
на запечатанный сосуд,
который именно сегодня не с кем разделить,
и плоские, нечуткие, чужие
случайные попутчики в кафе
на миг становятся не худшим вариантом,
чем тот, который допустили в её жизни
и близкие, и сложные, и чуткие, —
но только она ловит жадный взгляд,
которому не объяснишь, какое горе
достойно, чтобы перед ним остановиться,
она уже прощает всех
обидевших уже за то,
что сможет им сегодня же сказать о степени обиды, —
она удерживается, чтоб
не одолеть одним глотком всю чашку,
но фраза «Рано открывать шампанское», отлитая внутри,
уже добавила в девичий облик что-то
тут же отпугнувшее шакалов.

шакалы

близкие /
чужие

бутыль
шампанского

жадный
взгляд

не худший
вариант

прощение

Искусство по ПОНЯТИЯМ

голос

Бог мирового искусства
ведёт себя как провинциальный губернатор —
раздувает госаппарат,
раздает должности:
ты займёшь нишу борцов за права
обгоревших в горящих избах женщин,
ты будешь голосом нищей периферии,
чьих детских рисунков не ценят в империи,
ты назначаешься рефлексирующим грязнокровкой,
а ты — последним аристократом,
тронутым высоким вырожденьем и просто пороком,
свободна вакансия дикаря —
плохо одетых кандидатов просьба не беспокоиться,
остальным подготовить рекомендации,
ибо вашей мазни всё равно отсюда не видно,
и, возможно, ниоткуда не видно, так что
вникайте: есть должность, согласно инструкции
вседозволенность вменена в обязанность,
за несоблюденье — статья «Растрата
божеством предоставленных сил».

Бог мирового
искусства

периферия /
империя

мазня

провинциаль-
ный губернатор

вакансия
дикаря

вседозволен-
ность

Чужой

...более того, я бы сказал,
что у тебя настолько повышенная выживаемость,
что даже русская классика
по-твоему — учебник жить,
а не учебник умирать:
жизнь для тебя всегда достойней смерти,
и, думаю, останься от тебя
после нападения, скажем, только палец —
он мог бы праздновать победу жизни
над внешним, а не внутренним врагом —
внутри врагов не может быть, поскольку,
по сути, органы внутри взаимо-
заменяемы: вот если
вырвало, к примеру, сердце,
его заменит, в общем, и кулак,
а если голову долой, то думать
сможет даже селезенка —
при шитии ничто ни с чем не конфликтует,
внутри — сплошная гомогенная среда,
на коже — клетки, что с приходом утра
немедленно, неумолимо
в больших объемах вырабатывают счастье,
делающее жизнь героев русского романа,
прописанных всегда за стенкой,
уже невыносимой совершенно.

русская
классика

победа
жизни

учебник жить /
учебник
умирать

палец

внутренние
органы

сплошная
гомогенная
среда

повышенная
выживаемость

Держаться за воздух

...а в идеале держаться за воздух,
чувствовать пальцами его зерно, заикливаться
до тех пор, пока не получится почувствовать
маленькое удовольствие от того,
что удаётся что-то почувствовать;

кончилось время понимать,
наступило время судить,
ответить на реплику невозможно —
можно выступить с последним словом,
кончилось время что-либо замечать
друг в друге: милый оттенок
безутешно рыдает — его заслоняет судьба,
и никто никогда его не увидит,
кажется;

если надеяться,
жить уже невозможно —
можно жить без надежды,
держась за воздух,
а если получится,
постепенно переходить
к более осязаемым, крупным вещам;

такой вот план:
сидеть, сидеть под ночником,
не улетать во тьму,
держась за его свет.

сидеть
под ночником

жить
без надежды

время пони-
мать / время
судить

зерно
воздуха

милый
оттенок

крупные
вещи

не улетать
во тьму

Свитер

цуть

Вещи в какой-то момент
становятся старше тебя —
вот свитер, в котором ты был
тем, кем сейчас тебе горько себя представлять, —
сейчас ты наденешь его,
будешь выглядеть так же, как вечность назад,
и подозревать себя
в том, что ты действительно не изменился,
что никакого в твоей жизни нет пути,
что нету вех, есть только вещи,
которые не выпустят,
которые увековечат
без обещания спасенья, —
и, обречённый в колющийся свитер, ты выходишь,
и морок отпускает:
ты дышишь глубоко, без принужденья,
фиксируя старинный вкус свободы,
который обещает испытанья.

не изменился

вехи / вещи

колющийся
свитер

вкус
свободы

обещание
спасенья

горько
представлять

Поцелуй

Всё было, но — не про тебя:
книги, кино и байки,
все эти приключения,
из которых выходишь
таким же, каким вошел,
но ещё более вооружённым,
хотя вооружение уже отвоевало
львиную долю приватной жизни, —

а поцелуй вот оказался про тебя:
мгновенно прочитав свою судьбу,
ты вдруг совпал с собой, и дальше
всё будет по-другому, дальше
все книги, фильмы, клипы, анекдоты,
все новости, открытия ученых, их пробелы,
всё будет про тебя, всё будет продолженьем
начатого однажды акта жизни.

все эти
приключения

всё будет
по-другому

не про тебя /
про тебя

книги,
фильмы,
клипы,
анекдоты

судьба

акт
жизни

совпасть
с собой

Я их видел

ороговевшая
мозоль

Я их видел —

вибрирующее лицо
оттого, что глаза —
как игла патефона,
устаревшего уже прибора,
выцарапывают музыку из всего,
и лицо — как поверхность, идущая рябью, —
один только взгляд, но
не черты разглядишь, а то,
как он вибрирует, пока эхо
твоего каблука ещё отдаётся, —
ты не такой;
ороговевший, как старая мозоль, —
ты не такой;
но кто это был пред тобою,
тебе, в общем, известно;

вибрирующее
лицо

не сохранить /
не уничтожить

игла
патефона

я их видел —

это смертники с передовой,
они проникают гораздо глубже,
чем регулярные части,
и погибают всегда от одного и того же:
у великих артистов
вдруг не оказывается тылов —
друга, способного съездить в рожу,
женщины, вооружённой слепой любовью,
стажа на теплом рабочем месте —
и всё то, что надо бы не расплескать,
неповторимое даже в нём,

смертники
с передовой

искра
профуканной
жизни

терпение

не говоря уж о нас,
будет вылито прямо в землю,
но на твоём лице
ни один мускул не дрогнет,
поскольку ты готов
перетерпеть почти всё,
хотя лучшие из нас
не в состоянии выдержать ничего;

я их видел —

мне до них далеко,
от их бури в стакане
до меня долетают капли;
его было так всегда много,
что его было не сохранить,
меня же, скорее, так мало,
что уничтожить меня нельзя;
последней оставшейся капли
уничтожить уже нельзя;

я их видел —

погибло много деталей,
осталась одна слеза,
слеза не вполне моя —
долги себе возвращаются
по первому требованию,
а об этих никто никогда не спросит; и
в полном опустошении
иногда
искра чужой профуканной жизни
вдруг начинает мигать —
на какой-то момент она
захватывает всё пространство.

Любовь

Я пишу картины,
которые остаются лишь в твоей голове,
делая, с твоих слов, твою жизнь ярче,
сообщая, по твоему выражению, ей цветá,
даже не знаю, что это за цветá,
ты иногда пытаешься рассказать,
называешь меня художник,
а что я, собственно, умею,
разве что стоять и смотреть в окно,
кофе неловко отхлебывать, лёжа с книгой,
склоняться над тобой иногда,
художник, блин,
это ты, так мне кажется,
можешь творить из сора,
питаться от малого,
перекатывая в пальцах крошки,
радоваться полноте
этого ощущения,
нет, говоришь, крошки не радуют,
ты только радуешь,
ты, говорит, художник,
даже не знаю,
не верь после этого
в любовь.

смотреть
в окно

называешь
меня художник

крошки
в пальцах

картины
в твоей голове

художник

питаться
от малого

Примечание к замыслу

😊
главное —
в придаточном

Надо же выкатить что-то против
исчерпывающей красоты афиш —
миф поглотил судьбоносные переливы
разговоров, единственной сценой которых
был напряжённый
от желания понять другого воздух, —
теперь мир разделился
на красивых и чужих,
с последними нельзя договориться:
они живьём сжирают красоту,
у них нет вида, если же он есть, то он ужасен,
они вселяются в соседей, вылезают из земли,
прибывают к нам с других планет,
и мир преступно — ибо будет поздно —
не может оценить масштабов их влиянья;

🦸
герой
мифа

↕
красивые
и чужие

❄️
облачко над
столиком
в кафе

о, красивый добрый страшный лживый смелый человек,
там, куда ты движешься сейчас, мы уже были:
героям мифа не о чем поговорить,
и массе внятна эта простота:
сам первозданный хаос восхищённо смотрит,
чужие на часок прервали поедание друг друга,
герой на полотне весь из одной черты,
которую все вдруг в себе находят,
не зная, куда деть оставшуюся плоть,
чтоб замереть, пребыть —
и видеть сны, быть может... —

🦸
красивый
добрый страш-
ный лживый
смелый
человек

§
напряжение
разговоров

а я пошел другим путём, в котором
главное — в придаточном, поскольку у меня
неисчислимое число прилатков,

🎵
умопроясненье

способных влезть в такие щели,
где жизни не предполагалось,
уже не говоря о красоте, —
там люди не молчат пред изваяньем,
там пахнет душевной кухней и утраченной усадьбой,
общагой, тамбуром, гостиницей,
облачком над столиком в кафе,
где напряженье разговоров
с другим, который навсегда напротив,
сгущает винные пары до умопрояснения.

III

Прогресс

Каждый раз — второй ли, десятый —
подступая к проблеме — одной и той же —
надо сразу ей дать
новое имя,
сразу же — не теряя времени
на исторические параллели,
на расхожие диагнозы типа «реакция»,
«расстройство желудка», «фашизм»,
не пытаться выявить генезис конфликта —
на пять лет в прошлое не лезть, не то что на пятьсот;

«империализм»? — изжито —
съедено и высрато, лишь классиков вопроса
назвать рабочего не хватит дня, —
куда же вы с просроченными лозунгами?
кого пытаетесь пугать
начинкой выпотрошенных слов? —

да, есть слова — пусть не проблемы, —
которые мы победили,
а если победили, значит навсегда,
среди них есть смешное «рабство»,
наивная безграмотная «смута»,
элементарный «национализм»,
пустопорожний «космополитизм»,
«модернизация», туды её в качель,
да мало ли? —

таков прогресс —
языковая, в сущности, проблема.

новое
имя

мы
победили

слово /
проблема

просроченные
лозунги

наивная
безграмотная
«смута»

языковой
прогресс

не
пытаться

Похищение России

возбуждение

Во время навеянной восьмилетней
стагнацией пленарной дискуссии
о параметрах индивидуальных
вкладов в общественный долг
ради обороны отечества
от нарастающего технологического отставания
я сначала легонько кусаю тебя в основанье затылка
и чувствую, как ты вздрагиваешь,
как трепещешь, играя в жертву,
но держишься,
твои статусы ещё держатся,
сдерживая улыбку, ты шикаешь на меня,
но, услышав двадцать два раза
слово «эффективность» от её имитаторов,
я возбудился и сделался беспощаден, —
ладонь моя, устремившаяся обнять,
юркает ниже —
в щель между юбкой
и голым горячим телом,
препятствие, тоже мне: трусики —
я полновесно сжимаю твою ягодицу,
убеждаясь, что мне нужно больше, —
закамуфлированной имитации
может быть противопоставлена
только голая и пульсирующая полнота, —
я захожу с другой стороны
и чувствую пальцами пульс,
ты застыла в той каменной позе,
что наполнена взрывом дыхания,
я бы мог взять тебя прямо здесь —
эти люди не знают, что я тебя здесь уже брал, —

статусы

⇕
имитация /
эффективность

основанье
затылка

пульсирующая
полнота

§
восьмилетняя
стагнация

просто
уходим

ты твёрдо берёшь мою руку
и убираешь, но так, что я понимаю:
ты отвоёвана, ты похищена;
мы дышим буквально минуту
и просто уходим
без объяснения причин,
не глядя ни на кого в этом зале.

Ролевое слово

Вдруг подворачивается как спасение,
как проблеск уверенности в незнакомом себе,
как вещь, доставшаяся от далёкого, как былины, предка,
которую только взять,
постоять,
прислушаться к ней,
примерить,
будто дикую рубаху в гавайском стиле,
будто грязное ругательство прожжённого сидельца,
будто крепкий жест безмозглого подростка,
который, выясняется, был поумней, чем ты,
поскольку твёрдо знал, что отвечать на выпад, —
и ты его впускаешь сразу, вдруг,
и, кажется, оно внутри уже давно,
и нужно только отпустить поводья
своего приличного господствующего стиля —
тогда рубаха с попугаями решит твои проблемы;
и когда ты гаркнешь голосом чужим
блатное выражение, в твоём родном,
родимом, ненасытном мире на минуту
воцарится тишина.

незнакомое
«я»

твёрдо
знал

чужой голос /
родной мир

рубаха
с попугаями

чужой
голос

господствующий
стиль

проблеск
уверенности

Внутри любви

Тесно в её любви,
не знаешь, как повернуться,
чтобы не поломать там всё,
хрупкое, нервное —
что она может видеть
в узкую эту щель
своего великого чувства?
которую часть меня?
лучшую или так себе? —
впрочем, обе
говорят обо мне примерно одно:
ничего —
потому что если в капле океана
плещется весь океан,
то в любом обрубке человека
человеческого ноль,
и мне остаётся завидовать
собственной детали,
поскольку она любима,
а я нелюбим;

просторно в её любви —
заливные луга, на которых
силу нагуливать жеребцу,
просторный дом, в котором
предметы обихода
на пять размеров больше
топчущейся в дверях,
стесняющейся души, —
а ещё там течёт река,
и даже когда после жаркой любви,

стесняющаяся
душа

любовь

теснота /
простор

уголок
соснового леса

границы
внутреннего
мира

великое
чувство

страшно

после месяцев жаркой любви
на минуту уходишь в самый глухой
уголок соснового леса
и мысль устремляется вдруг поверх
высоких северных крон,
тогда и в самых значительных точках
я не пересекаю границы,
за которой кончаешься ты,
и мне страшно,
что я проскочу своё «я»,
как нужную остановку.

Перемена поэтики

ненасытность

Поэзия муравья сегодня весомей поэзии Гёте;

мимолетные
впечатления

вспомни нашу ненасытность,
как мы объедали деревья, целые пространства
и шли дальше, готовые работать за еду, —
с тех пор кое-что изменилось:
мы раскинули собственные сады,
мы охраняем дикие парки,
мы почти научились дружить с природой,
различать в шуме ветра
дуновение духа;

поэзия
муравья /
поэзия Гёте

за эти нежности расплачиваются сородичи:
поскольку человек счёт уже на миллиарды
и сей плодоносящий лес всё шире,
всё невообразимей вероятность, что в процессе
собираения клубнички и иных плодов
когда-либо окончится поляна;
жить собирательством — контактов, связей,
утех и мимолетных впечатлений —
жить собирательством возможно бесконечно,
не надо ничего выращивать в семье, —
исканья духа мы оставили природе,
а в обществе перед тобой всего лишь выбор жертвы;

маленькие
книжки

поляна

если присмотреться,
в муравейнике
можно увидеть особей,
читающих маленькие книжки
авторов, которые более
нам не известны.

дуновенье
духа

собирательство

Бездны

Если пережить момент
наивысшей уязвимости, когда
к стеклу приставший лист язвит своим паденьем,
когда, почувствовав в подъезде запах,
хочешь разрыдаться,
когда не можешь оторваться
от незнакомого лица
и чувствуешь, что твой томатный сок
уходит в космос через трубочку детали, —
если пережить этот момент,
то будет случай
сравнить его с другим —
когда заметил, но не посмотрел ни разу,
когда ты ухмыльнулся предложению себя,
а за всхлип в момент возненавидел —
одна из этих бездн
всегда является расплатой за другую.

уязвимость

предложение
себя

разрыдаться /
ухмыльнуться

к стеклу
приставший
лист

трубочка
детали

две
бездны

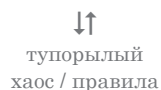
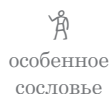

расплата

Большой спорт

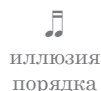
Договоримся,
что в нашем общем мире,
где каждый настолько великодушен,
что может себе позволить
если не насилие и предательство,
то хотя бы оплошности и слабости,
характеризуя их как мелкие,
хотя от них — озоновые дыры;

договоримся некоторые виды
совершенно бесполезной деятельности
на время,
собираясь в строго отведённом месте
под усиленной охраной
от предателей, естественно, и слабаков, —
договоримся их вести по правилам,
а правила — пропишем,
и они
позволят нам
путём определённых процедур
и подконтрольных испытаний
совершенно транспарентно
отбирать людей, которым
мы выдадим медаль и титул самых лучших
из тех, кто знает правила
и даже подчинил им жизнь, —
и назовём всё это, скажем, «спорт»;

договоримся,
что эти люди,
всю жизнь бегущие свои сто метров —

это та дистанция, которая отведена
и всей мятущейся душе, и мировой культуре, —
пусть эти люди,
чьи семьи, может быть, давно
заждались от них пользы,
получат массу привилегий:
признаем их особенным сословьем,
живущим больше во дворцах
большого спорта,
признаем их героями, чья участь
уже давно не только в их руках,
пускай сегодня он пришел тридцать шестым,
но это про него весь зал кричал: «Россия»,
так пусть то слышит и сама страна,
и если у него проблемы с рационом и жильём,
пускай немедленно вмешается и всё решит,
поскольку уж на что, на что,
а на иллюзию порядка
и справедливости, на идеальный мир,
где тупорылый хаос
смирён до случая-озорника,
не жалко средств налого-
плательщиков, и даже триллиона;

договоримся понимать этот язык,
язык античной драмы,
где смотрит хор, как на пути к светилу
горит неповторимейший Икар, —
давайте ощутим этот зазубренный хребет культуры,
который в напряженье проступил,
когда язык искусства,
будто оробев от хамства черни,
выродился в эрудированные стоны рукоблудов,
тогда как драма не кончалась никогда
и каждый в хоре знает, что такое жертва,
причем — лишённая какого-либо смысла,
безликая, несправедливая, не требующая воли;

пускай ты никогда не отличишь
саней от скелетона
и не поймёшь, зачем в быту
может пригодиться навык прыгать в высоту,
причём не просто, а лучше всех в подлунном,
тем не менее достаточно уже того, что мы о чём-то
смогли договориться и теперь срываем голос:
«Давай!
Давай!
Давай!»

Ребёнок терпит

В минуты слабости посмотришь, как наш брат
в столовой бизнес-центра жмётся к стенке,
как он не может скрыть
слепую неготовность быть с чужими,
как он с каким-то скрежетом зубовным
ёрзает заевшей молнией на куртке,
как он на улице потопал не туда,
потом остановился, развернулся, —
посмотришь и подумаешь: да как же? —

как эта тварь ничтожная одним движеньем
на север отправляет поезда,
вынашивает замысел комфортного
устройства городов России,
пишет труд о мотивации труда,
который объяснит
доступным языком,
как оказалось так, что он —
да и любой природный интроверт —
таки пристегнут к неосвоенному миру, —

и в голову приходит давний образ:
ребёнок терпит боль и делает уроки —
чем глубже мера слабости, тем очевидней чудо
невесть откуда данной человеку силы
не только донести своё,
но и помочь кому-то, кто
нас ни по имени и ни в лицо,
но как-нибудь потом узнает.

природный
интроверт

тварь
ничтожная

неготовность
быть с чужими /
устройство
городов России

заевшая
молния

неосвоенный
мир

очевидное
чудо

терпение
и сила

Будущее и лазертаг

Скорость лишь нарастает;
дети рубятся в лазертаг —
сегодня исполнилось тринадцать старшему,
отец его видит на табло
быстро растущую цифру —
количество попаданий каждого в каждого,
скорость лишь нарастает,
отец задаётся вопросом о том,
кем мы все будем, когда я допишу
фразу, не говоря уже о —

в будущем задержи свою руку в моей, моя милая,
отключи свой искусственный интеллект,
оставь запах кожи и гениталий —
да, я достаточно примитивен,
впрочем, мы все безнадёжно отстали —

есть уже целые расы, народы отставших,
глядящих из нищих окрестностей космодрома,
как улетает всё выше
многоцветная мечта господина Маска,
нам никогда не хватало в ней места,
а эти дети, развязавшие лазерную войну,
мечтают лишь об одном — об огромной пицце, —
будущее, возможно, не пощадит за это —

оно рвётся придумать человека заново,
пересобрать его, выбросить лишнее —
болезни, всяческие сомненья, смерть;
оно хочет нас выключить из игры
в лазертаг, казаков и разбойников, соколиную охоту,
после которой разве что пожрать, —

будущее похоже на гигантскую тыкву,
которую фермер вырастил на огороде,
чтобы победить на сельской ярмарке;
с сочувствием представляю,
как именно дети бы с ним поиграли, —
эти страшные рожи со свечкой внутри;

я безволен порою — не верю в форму,
это следствие веры в прогресс,
который стремится к точке,
вокруг которой во все концы летит свалка,
если не успеть внести в почву хрен-знает-что,
что ещё не придумали, —
так во мне размышляет колхозник,
а охотник — не размышляет,
следующую партию он играет вместе с детьми,
а когда он вернётся,
он потребует понимать,
где тут еда, где искусство.

IV

Певица нас прощает

Как извивается она в объятьях песни,
как прогибается, ощущая её поддержку,
как вся тянется к высокой ноте,
как смотрит в воздух — будто видит
того, кто знал, какую вынуть
из ничего мелодию, чтобы насытить
ее, раскрыть и утомить;
вот кто ей истинно владеет —
гармонией рождённый образ,
каждая деталь которого ей внятна,
а вся песня столь ветвиста,
что бедная душа едва
не задыхается от размаха
и не успокоится, пока
собою не заполнит каждую тридцать вторую,
не говоря уже о целых нотах, —
и лишь тогда во взгляде утомлённой
оперной певицы, приглашенной на банкет,
разольётся то, что правильно называть великодушьем
к тем, кто никогда не обойдётся с ней
так щедро и заботливо, как песня, —
звучат аплодисменты:
она прощает нас,
она прощает.

аплодисменты

тянется
к высокой ноте

душа /
гармония

великодушие
во взгляде

мелодия
из ничего

объятья
песни

щедрость
и забота

Сцена

Как, раздвигая олухов, напрягая расслабленных,
взглядами зачищая, обыскивая
рамками, нешаловливыми пальцами,
без объяснения причин вышвыривая непонятливых,
закрывая периметр снайперами
и ребятами, умеющими выкручивать мошонки,
в зал входит власть на коротких ножках,
и там, где она ступает, выложены помосты,
огорожена сцена, и вне
её власть, как кажется, могла б существовать,
но не существует,

так и поэзии не быть без сцены,
предусмотренной ли, хранимой,
быстро расставленной, как поляна,
внезапной, в толпе, когда делают шаг назад,
допуская тщедушного, на коротких ножках,
на одну ступень выше себя
лишь затем, что иначе поэзии не звучать —

а ведь у неё нет охраны, прессующей недотеп,
нет протокола, который придёт накануне
и научит любить стихи,
раздаст подсадным фанатам правильные вопросы,
походя заставит сменить обивку кресел
и вид минеральной воды,
обяжет места занимать под роспись,
позаботится, чтоб ни один остолоп
не остался сидеть, когда заиграет
гимн великой поэзии... —

на коротких
ножках

остолопы

поэзия /
сцена

гимн великой
поэзии

толпа

власть

подмена

вот она и ушла со сцены,
протокол выпускает кого-то другого:
комики, дегустаторы, худеющие толстячки,
участники пленарного заседания
на тему «Расцвет современной лиры».

Пятна нормальной речи

собеседник

Это не столько стихи, сколько пятна нормальной речи,
островки утерянного самосознания,
участки перманентной среды,
в которой до сих пор правит стихия,
а опытный капитан задубелыми руками
пытается удержать штурвал, —
и не в школьной романтике дело,
а в том, что не знаешь, где берег;

разбросанный
человек

целое /
элементы

это клетки жизнеспособной органики —
жизни ведь нет ни в одной из ячеек
гениальной химической таблицы,
потому что дело в связях и реакциях,
в желании всего и сразу — и во встречном
движении стихии разорвать тебя на части,
распылить на клетки, элементы
из того же менделеевского сна —

клетки
органики

и послушать каждый из кусков
разбросанного по ненаселённой земле человека,
то он окажется счастлив — искренно и так сильно,
как только может быть счастливым
палец, потерявший тело, или член —
а когда говорят члены, люди молчат;

разговорчивые
члены

сегодня члены особенно разговорчивы,
поэтому я ищущу
нечто видовое, что уже встречалось,
уверен, что встречалось раньше,
возможно, где-то в монологах

утраченное
самосознание

стихия

семидесятников, где в речи
человеку дано тут и сейчас
сбываться перед собеседником,
воображаемым порой.

Искусство занято

художник

Искусство очень занято: оно берёт художника за яйца,
и вдохновенье прибывает их к брусчатке у Кремля,
потом за новизной выводит в туалет,
выталкивает гения за перила
рассудка — чтобы раскрыть
и свободу, и жертвенность этой свободы,
ибо мир не желает жалеть дебилов,
несмотря на то, что их роль
досталась талантливим мальчуганам;

политики

свобода /
слепота

а столь эфемерные вещи, как память, —
достались политикам, которые произносят тост
за мирное небо над головой
и решенье проблемы перекрёстного субсидирования, —
народ кивает,
расходится по комнатам в коммуналке, —

кровь
на одежде
и руках

так идут годы,
заглянем туда
лет через двадцать:

коммуналка

невольню бросаются в глаза
остервенелые вожакн,
каторые перестали смывать
кровь с одежды и рук;
работяги, не поднимая глазн,
бьют своих жён и евреев;
пенсионерами
замазаны щели жилищ;
молодёжь готова разгромить страну,
если их команда проиграла с крупным счётом;

интерес
искусства

насилие

обыватель, вспомнив что-то,
встаёт и режет двадцать девять человек —
потом его обыденно сажают;
служитель муз на общей кухне
нарезает топором икону, —

и я не знаю, кто заглянет им вовнутрь,
и чего ждёт искусство —

того, что в процессе доработки
двигателя внутреннего сгорания
человек избавится
от векового патернализма?
что повышение отчислений
в пенсионный фонд для ИП
сможет укрепить их веру?
что суровый канцелярит
даст на выходе патриота? —

и какие ещё ужасные вещи
должны произойти,
чтобы человек оказался способен
вызвать интерес
единственного, кто был когда-то способен
его разглядеть?

Иерархия забытых вещей

порядок
слов

Ну да, подавляющее большинство
ничего не хочет об этом знать,
а оставшиеся единицы
не представляют, что пристало говорить на это, —
всё так, но
не преувеличивай, старик, —

беглец

я в глубине души уверен,
что существует иерархия
совершенно забытых вещей,
о которых, мне кажется, человек
должен когда-нибудь вспомнить —
предположим,
сегодня вечером он начал вспоминать, —

унижение /
достоинство

ты думаешь, что он начнёт с поэзии? —

дерево
познания
в горшке

он, тоскующий без своего достоинства,
теряющийся от большей части мира
и ненавидящий от бессилия
несчастных более, чем он,
не могущий слышать названья своей страны,
подсчитав гроши после страшной работы,
связанной с человеческим мясом, —

подавляющее
большинство

нет, я б не стал настаивать на том,
что мне, ответственному за порядок слов,
он должен больше всех, —

иерархия
забытого

более того, не странно ли, что
человек, проигравший на всех фронтах,

бессилие

на которых он был замечен,
находит вдруг успокоенье в рифмах, —
я думаю, он просто ладится сбежать,
приняв поэзию за нарисованный раёк
с бюстом Ленина и деревом познания в горшке, —
но разве то, что я делаю, годится для того, чтобы сбежать? —

когда беглец придумает, как защищаться
от унижения
хотя б на время,
мне ничего не надо будет объяснять.

Вокруг красоты

зритель

Количество красоты в одном номере
женского журнала таково,
что уже к середине
я выйду либо в пар,
либо в камень:
чтоб уже не глядя перелистывать страницы,
с которых смотрит совершенство;

голое
тело

пар /
камень

это — контузия красотой,
полученная в ходе сопротивленья
тому, кто хочет, чтоб я замер, поражённый,
чтобы, потрясённый, онемел,
чтоб я лишь смотрел и плакал,
забыв себя навеки, —

сжатые
губы

потому что в сжатых губах
иногда больше мыслей, чем в голове,
потому что инобытие голого тела — немо,
потому что к гармонии, кроме восторга,
нечего прибавить —
и от этого страшно:
куда тебе-то со свиным-то рылом? —

лицо
подруги

но красота при этом столь слаба и пуглива,
что защитить её может
лишь золочёная клетка глянца,
нащупав прутья которой,
зритель кривится, как будто его надули:
так, мол, каждый может —

золоченая
клетка
глянца

вот если бы эти слабость и нагота,
которые едва вмещают пыл,

потрясение

из глаз нашедший выход,
если бы они действительно стояли на кону,
чувствуя моё зловонное дыханье... —

чего ещё потребует
оглохшее от нереальной красоты сознание? —

но лишь возьмёшь в ладони лицо подруги,
оградив его от всего в мире,
кроме себя,
и застываешь, поражённый,
и больно от того, что защитить творенье это
на самом деле ты не можешь.

Не остаться в этой траве

Цой

В чём только он не виновен —
то ум его отрывает от жизни,
превращает в вымороченную сущность,
то жизнь отравляет косноязычием
и картонными гортанными лозунгами,
то его разрывают концепции,
и прожекты, и многосмысленность,
то выступает бесстыже
с неоригинальными откровениями
неинтересных людей,
то крюкотворствует и буквоедствует,
то забывает слова, объясняет на пальцах,
обломках бетона, остатках губной помады,
то святее всех святых, надоедает, тошнит,
то богохульствует, но некому уже такое понимать,
хихикает и кривляется, —
отвернуться давно от него,
плюнуть, вернуться да как садануть,
и ножичком, ножичком, —

ножичек

виновен /
невиновен

остатки
губной
помады

очень
простая
мелодия

в этот момент за углом, отсюда не видно,
начинает играть очень простая мелодия,
подчиняющая неискушённых
и тех, кто попробовал все искушения,
подчиняющая своей способностью уцелеть,
не потерять ничего;
и почиканный перышком стих
прикуривает, как Цой, и встает с колен,
и, шатаясь, уходит в ночь
по свежему снегу.

почиканный
перышком
стих

встаёт
с колен

Сбор спермы

В очереди передо мной
взрослый человек
женского когда-то пола
выставил в открытое окошко лаборатории
прозрачную пробирку с образцами кала,
на этом пьедестале,
пока лаборант оформлял документы,
образец был виден во всех структурных особенностях,
очередь за мной подтвердит,
а мне в том же окне дали ключ от комнаты 111,
пустой сосуд и несколько минут;
в комнате без окон с надписью «Служебное помещение»
стояли стол, стул и раковина —
было решительно непонятно,
как тут должно зарождаться возбуждение,
необходимое для сбора
биоматериала, так как
для сбора некоторых биоматериалов
необходимо возбуждение,
желательно вызываемое самой жизнью, а не
картинками, которые плохо грузились
из-за плохой связи в подсобке,
и то, что вышло в итоге, было на вид
ничуть не привлекательнее кала,
некоторые вещи сильно теряют,
оказавшись в прозрачной банке,
это, наверное, можно сказать
и о человеке в целом,
а ещё для того, чтобы результаты анализа
не были искажёнными,
полагаются диета и воздержание,
думаю, что то же можно сказать
об образцах речи.

пробирка

лаборант

образцы кала /
образцы
возбуждения

прозрачная
банка

биоматериалы

результаты
анализа

диета
и воздержание

Перед погружением — подышать

Есть у меня ремесло — погружение в человека;

когда оно происходит,
тот никогда об этом не знает,
он просто живёт
свою привычно невидимую жизнь, —
и так даже с самыми признанными,
даже с теми, кто способен
выразить себя сам —
в картинах, делах, словах;

они дали, казалось бы, столько ключей
к себе, что уже кажется: это не просто дверь,
за которой секрет, —
это скорее город
с миллионным населением,
но нет — это всего лишь один человек;
а иногда по-другому:
дверь, а за нею ещё две,
а за ними всё больше, то есть
никогда не бывает просто —
это же человек;

и я уже это знаю,
и часто, «сидя на берегу»,
я стараюсь ещё хоть немного побыть собой,
невидимым собой,
посмотреть ещё теми глазами,
которыми больше никто не смотрит,
если не считать людей внутри меня;
потому что, как только я сделаю шаг,

ремесло

следы
жизнедеятель-
ности

живое /
целое

мелкий
дождь

человек
как город

скрепляющая
сила

собрание
воедино

перед моими глазами будешь уже только ты,
данный исключительно в следах
своей жизнедеятельности —
осколках, из которых, кажется, невозможно
сложить живое и при этом целое;

нет, я не отсекаю лишнее, наоборот,
я всему в тебе
нахожу в тебе место,
от всего меня остаётся
тебя скрепляющая сила,
и я ничего не упущу,
я отомкну все двери,
обойду весь лес —
осторожно, новый образ —
загляну там под каждый куст,
я спущусь так глубоко,
как никогда бы не стал
спускаться в себя,
я не знаю, как долго меня не будет,
но я знаю, что в итоге найду способ
собрать тебя воедино —
до сих пор находил;

я пойду,
я готов,
только можно
я сделаю это завтра,
а сегодня ещё немного послушаю,
как мелкий дождь
стучит по подоконнику,
и попестую свою боль?..

Другой шрифт

Ты твёрд и точен, как зубило;
ты отлит для достижения цели,
ты сам себя куёшь и закаляешь,
чтобы потом уверенно входить
в податливую массу мира;
всё, что я усложняю, ты упростишь;
навяжешь свою волю, я ж боюсь,
что погублю невинного неверной запятой;
ты удалишь из права своей силы
любую примесь — я же
не упустить пытаюсь ни одной;
твои отчёты неверны, но твёрды,
мои точны настолько,
что жизни не хватает
закончить хоть один, —
и, знаешь, для меня открыт вопрос,
кто, собственно, из нас поэт;

мы сейчас используем единственно возможный
шанс друг друга слышать — это, я уверен,
было б невозможно, если б мы
не встретились случайно в одном теле.

поэт

зубило

сложность /
простота

неверная
запятая

случайная
встреча

податливая
масса мира

шанс
услышать

V

Выход осени

порыв
ветра

Пару дней в году на острие,
которым бабочка суровых будней
пригвождается к подкорке, чтоб ожить и полететь, —
на этом острие оказывается запах:

путник

как в детскую взрослый
за брошенной курткой, он входит —
что, мол, бездельники, нравится мамкина титька? —
усмехнувшись незлобно копченым своим лицом,
которое было б красивым,
если б не всё, что он видел, —
и дети, взглянув на него,
приступают к познанию мира —

обезличенная
геометрия /
настоящая
жизнь

он входит, как будто хозяин, с порывом ветра,
заливая обезличенную геометрию
офисных зданий, парковок,
вымирающих на ночь, —

подвешенный
к потолку
телевизор

он просто проходит мимо,
как путник, своим путешествием
связавший леса и пустыни,
прошлое наций и маленького человека,
проповедь и молчаливый труд,
заходит в круглосуточное кафе,
просит пельменей, подумав, бутылку пива
и садится, косясь на подвешенный к потолку телевизор,
где без звука идёт финал «Мисс Вселенная», —

бабочка
суровых
будней

запах
осени

именно так в мегаполис приходит осень —
буквально на пару дней —

мимолетная
роль

подкрепиться, оглядеться, выспаться у подруги,
непонятно: бездельник или ветеран самой настоящей жизни, —

но, почувствовав этот запах,
внезапно вошедший в форточку,
задержавшийся в офисе клерк
после паузы резко снимает куртку
и выключает настольную лампу,
затем он выходит на улицу,
оглядывает опустевший паркинг,
немного поводит носом
и ёжится, будто бы помогая осени
сыграть свою мимолётную роль.

Подступающее сиротство: вновь
ты заброшен в мир, которому ты не нужен,
и никто никогда своей теплой ладошкой
не погладит тебя по незащищённым местам —
и твоя вопиющая беззащитность, лишенство,
казалось, развеянное фейерверком взаимности,
загнанное в старый дневник
выраженьем «отец семейства»,
набрасывается в опустевшем пространстве,
бьёт по причинному месту,
которым под страхом бесплодности
становится даже лучшая твоя часть,
и заставляет тебя попрошайничать, унижаться
едва ли не перед прохожими — это
один из самых романтических механизмов
предательства, его позволяют себе даже
сильные, даже добрые люди.

сильные
добрые люди

прохожие

защищённость /
беззащитность

теплая
ладошка

причинное
место

страх
бесплодности

предательство

Танатос

Как только в обезвоженном организме
зарождается капля влаги,
какое-то впечатленье,
неоформленное желанье,
ещё только импульс чего-то хотеть, —
тут же включается нечто
вроде системы очистки,
требующей немедленно исторгнуть каплю
из мочевого пузыря,
следящей, чтобы пламя впечатленья
было тут же сбито из брандспойта удовольствий,
чтобы внутренность была промыта дочиста,
чтобы семени в мошонке не бывало,
чтобы ты не успевал начать желать, —
так работает внутри танатос —
он сделает с собою всё, чтобы не быть,
чтобы желание не пробудило «я»,
которому мгновенно станет стыдно,
поэтому он не доводит до стыда,
истощая себя подчистую
на дальних подступах.

обезвоженный
организм

неоформленное
желанье

впечатленье /
удовольствие

капля
в мочевом
пузыре

семя
в мошонке

промытая вну-
тренность

истощение

Нить

мысль

Любая мысль, как говорят,
через одно рукопожатье
становится другою мыслью,
причём — любой другой,
и связи вещей устанавливал точно не я;

другая
мысль

иду по узкому коридору,
а все двери открыты,
и за каждым порогом — следы безумия,
то есть мир, где я ещё не бывал,
но который я предполагал обвить
вьющимся по лабиринту предложением, —

связи вещей /
распавшийся
мир

где не пройдёт оно, там никогда,
возможно, никогда не ступит человек, —
ведь это вид, который держится всё дальше
от тёмных мест, которые
обитаемы почти всегда, —

открытые
двери

синтаксис вьётся за жизнь,
он обживает неиспользуемую инфраструктуру
и недевственные лесостепи,
он проташтывает дорожку на кухню,
где всегда есть разговор, и точность фразы,
и долгота дыханья, без которой
мир распадается, —

одно
рукопожатье

но ты же не всемогущ:
ты набираешь воздуха,
случайно смотришь в небо —
и упускаешь нить.

долгота
дыханья

обживание

Как я помогаю вселенной

Пытаясь проследовать за своим взглядом,
я подчиняюсь силе —
о ней стоит рассказать
человеку, который
дочитал до этой страницы книги, —
она расширяет вселенную,
даже когда предводители спят, —
и в какой-то момент понимаю,
что чем дольше я двигаюсь из одного конца своего
внутреннего мира в другой,
тем меньше себе оставляю шансов
вернуться обратно, —
и тогда я натягиваю одеяло,
прижимаясь к горячему существу,
держусь за него, чтоб не быть
разорванным центробежной силой,
которую я источаю, —
и этим жестом, мне кажется, я помогаю вселенной
не разжимать своего кулака,
из которого б разом выдуло крохи.

взгляд

горячее
существо

прижиматься /
расширять

страница
книги

кулак
вселенной

центробежная
сила

держаться

Пленница степей

страсть

...и через минуту молчанья жизнь
покидает её лицо, черты
женщины обретают черты степей,
в которых она росла, —
и вот только ветер тихонько треплет
волосы — так пройдёт вечность; она
будет всегда молода,
только глаза,
пустые, как перспектива
лесостепи, вдруг отразят движенье, —

чернобровка

степь /
отклик

и тут же вся она — отклик:
твой шепот в устах её — тише,
твои объятья руками её — горячей,
она приумножает твой смех, гнев и ропот,
раздувает в горниле нежность —
и начинает казаться, её пробуждает к жизни
готовность терпеть насилье,
дать ему отбушевать сквозь себя,
дать ему захватить себя, будто новые земли,
где можно зарезать быков, пировать —

шепот

пустые
глаза

и с перепоею случайно увидеть
снова степные глаза,
а позднее, на трезвую голову, наслаждаясь,
вглядываться в чернобровку,
заточённую в твою страсть, —
думать, что показалось.

готовность
терпеть

показалось

КОМНАТНЫЙ ЦВЕТОК

Польёшь — и затопишь,
а нет — на глазах усохнет,
выйдет на улицу — сразу микроб,
начнёт читать — сломает мозг,
сделает губительные выводы;
поцелует — и скорчится в ломках
от мгновенного привыкания
или скажет: уже не то;
попробует новое — и опухнет от аллергии;
ляжет спать — и до смерти проспит,
а проснётся — получит плевок в лицо
от того, кто ещё его узнаёт;
что ни делай — цветок опадает;

каждый день я думаю лишь об одном —
как продлить эту жизнь,
каждый день
появляются новые варианты,
один раз — кто б мог подумать —
неожиданно спасительную роль
сыграла цветастая фраза.

спасительная
роль

цветок
опадает

смерть /
жизнь

плевок
в лицо

цветастая
фраза

новые
варианты

губительные
выводы

Ювенильный цвет

обрубок

...люди, впрочем, умеют цвести и незрелыми,
но противоестественность
того, что происходит с ними,
обнажает лишь сравнение с цветком,
который будто бы насильно
вынут из бутона, —
и вот он рыхл и в очертаниях распущен,
цвет лепестков ещё не выбран,
рецепторы раздражены от всякого
соприкосновенья со средой,
о размножении не может идти речи,
сколь ни отчаянны случайные объятья, —

напряженье
полноценной
жизни

зрелость /
незрелость

цвет
лепестков

цветущий
инвалид

ложная
дилемма

для нас всё это, скажем так, приемлемо,
поскольку для юстиции есть личности ещё в утробах,
а научившийся ходить имеет право
идти немедленно куда угодно,
умеющий смотреть при этом
слышать не обязан никому,
не говоря уж об уменье
вежливо ответить
на неуместность или даже грубость —
достаточно бутона, чтоб цвести,
достаточно телесного присутствия в пространстве,
чтобы получить права
на всё, на что имеет право человек, —

и сядешь с ним таким чайку попить —
сидит перед тобой обрубок,
уверенный: достаточно быть богом
продаж, не знаю, пылесосов,

противоесте-
ственность

чтобы остальное взять в готовом виде:
правильные жесты, блюда, навыки любви —
и вместо друга у него костыль,
есть какой-то любвезамениТЕЛЬ,
есть оплачиваемая видимость досуга
и, конечно, страх потери денег,
что будет значить одиночество в веках, —

но многие убеждены, что если мы сейчас
начнём вникать в предназначенье
разных внутренних, потом духовных органов,
которых больше, чем деталей
в автомобиле, потом начнём пытаться
задействовать их все, производя на свет
напряженье полноценной жизни,
то в результате персонал значительно ухудшит
показатели продаж, которыми гордился
индустриальный, но цветущий инвалид, —
если все мы будем полноценны,
то кто из нас тут будет что-либо уметь?
а если мы сведём себя до ремесла,
то на какой ступеньке рабского служенья
нам предложат наконец пожить? —

однако это — ложная дилемма,
поскольку допускает выбор
между зрелостью, способной к продолженью рода,
идущего от пыли в дланях Господа,
и ролью одноногого и оловянного солдата
в возрасте четырнадцати лет
охраняющего что-то,
о чём он не узнает никогда,
не говоря уже — дотронуться или совпасть.

Как я в итоге остался должен

опьянение

Опьянение

может наступать почти от всего:
от своевременного глотка кофе,
от внезапного вида метели,
от попавшей в цель фразы,
от ощущения детской ладошки в своей,
от объятий под утро —
в этот момент
то ли просто кружится голова,
переставая отличать себя от стихии,
то ли душа чуть-чуть отлетает от тела
и видит более красивую картинку,
чем оно само, —
возможно, вот этот момент
и есть то, с чего пишут поэзию,
это поэзия, как она присутствует в жизни
людей, тугих на ухо и снисходительных к слову, —
ради неё алкоголь по утрам,
беспорядочные связи,
неестественные опиаты,
позволяющие просто раствориться,
мгновенье продлевается и заменяет жизнь,
которая только тем и находит себе оправдание,
что оставляет небольшое место
этому состоянию;

так вот, я знал такое упоенье,
которое на грани полного отказа от себя —
он кажется счастливой перспективой,
дающей воцариться на пространстве маленькой души
большой любви, которая подобна взгляду Бога —

беспорядочные
связи

жизнь /
поэзия

алкоголь
по утрам

поэзия
в жизни

взгляд
Бога

упоенье

он иногда даётся человеку,
чтобы в другом увидеть то, чем он
уже и не надеется
оправдать своё существование, —
я знал моменты
такого упоения — и если бы оно и мыслилось в финале,
то впору было бы предполагать финал;
но я живу, я продолжаю жить
и думать, что остался должен
тем минутам, что хочу отдать —
как отдают долги такого рода? —
и жду подсказок, не спеша опять упиться,
поскольку стыдно перед кем-то
увеличить меру
своей неблагодарности.

Он не видит своих глаз

Время возвращается первое воспоминание:
я волокусь рано утром в детсад
на привязи взрослой руки,
и посещает меня озаренье:
Я НЕ ВИЖУ СВОИХ ГЛАЗ —
а все вокруг — их видят,
а значит, **Я ИСКЛЮЧИТЕЛЕН**,
но — **ПОЧЕМУ ЖЕ Я?** —
обычный вопрос для любого избранного,
и следом — чувство предвкушения... —
может быть, только в этом и разница
между избранным и бараном,
не умеющим доказать своей исключительности,
не понимающим, что он — единственный,
кто живёт, не видя своих глаз,
что в этом его никто не заменит,
что у него есть миссия и всё такое;
воспоминание возвращается,
когда я на грани унынья,
когда веры моей и ума не хватает,
чтобы понять, как я справлюсь,
ибо долг мой всё больше и больше, —
оно находит во мне благодатную почву,
так как я, хотя и стал, конечно, взрослее, суровей,
но глаз своих так и не вижу, —
а с ним возвращается и предвкушенье
об руку с ребячьим любопытством:
что же будет дальше —
с **ИЗБРАННЫМ?**

9.04.2016*

исключительность

на грани
унынья

избранный /
баран

рука
взрослого

озаренье

первое
воспоминание

чувство
предвкушения

* Единственная дата в книге оставлена в память о том, что большинство из написанных здесь вещей были написаны в один присест, но в не запланированное автором время.

VI

Пространство для веры

Всё, о чём не сказал, —
за это меня и любите;
за всё, что нельзя называть
не потому, что накажут,
а потому, что должно быть пространство для веры;

любите меня незаслуженно.

Тема жертвы

жертва

...предаст, помню, и смотрит:
«А почему ты сегодня грустный?» —
а я молчу и понимаю:
существо не знает, что за круг явлений
описывается словом «предательство»,
и объяснять бы надо начинать издалека:
мол, между некоторыми людьми
бывают такие специальные отношения,
которые описываются словами «верность», «любовь»...

несправедли-
вость мира

вера /
сложная
система правил

...искреннее желание счастья
выбирает из человека, доставшегося ему,
изюминки праздника,
на всё остальное — досадливо морщится,
оценивая: не слишком ли это
большая плата, не слишком ли велика
жертва...

оранжевые
робы

...кажется,
что остался последний экзамен — жертва...

злое
божество

...кто ещё, кроме Господа,
распознает тебя в шеренге
одетых в оранжевые робы,
поставленных на колени?
кто же ещё увидит человека
за одеждами приговорённого?
кто всмотрится в лицо,
которое вот-вот превратится в маску?
существует ли кто-либо,
кто умеет читать то, что пишется
только таким языком?..

§
круглосуточная
катастрофа

голос

*...я умру —
сама несправедливость мира
стоит у меня за спиной
со специальным ножом
для разделки человеческого мяса,
и я ещё не мёртв лишь потому,
что ритуал весомее убийства,
поскольку претендует быть законом:
волки режут овец не оттого, что им хочется кушать,
а потому, что неравенство нужно поддерживать
жертвой...*

...катастрофа теперь может быть круглосуточной,
надо только знать, какие каналы включать,
и не включать их — достаточно уже и знания
об их существовании, — уже
немалый груз, — кому бы
предъявить его к зачёту?...

...потому что естественно быть счастливым,
этому состоянию ни в коем
случае не должно, не смеет
препятствовать чувство вины,
что б ты ни сделал —
а делаешь всегда одно и то же:
приносишь или принимаешь
жертву...

...что в твоём мире делает человек,
обнаруживший себя причастным
к производству непотребства,
которое совершается
за симпатичной ширмой настоящего —
за ней мало чего настоящего...

...не для того, чтоб мы стали другими,
не для того, чтобы сильное чувство

преображало нас, не повреждая,
а для того, чтобы сильное божество
продемонстрировало свою силу
в рукотворной ситуации паники, —
таково предназначенье жертвы...

*...Господи, вместо оружия
Ты наградил меня музыкальным слухом,
чувствительностью к интонациям,
вместо того чтоб набивать кулаки,
я читал забытые романы,
учился различать нюансы,
теперь мне кажется, что так
выглядит путь заведомой жертвы, —
так ли важно,
кто именно меня теперь убьёт?...*

...и в то же время я свидетельство того,
что и у самого ничтожного есть голос —
прекрасный чистый тварный голос;
слышал кто-либо когда-нибудь мой голос?...

...надо иметь чёрствое сердце,
чтобы не умиляться
одушевлённости быта;
за овсяной кашей мерещатся боги,
у них имена транснациональных компаний —
Олимп ожил в бессмертных брендах,
разметивших проклятые вопросы
для состоятельных новорождённых;
идиллии конец, когда приходит злое божество
и, мимоходом затыкая рот
божкам, что отвечают за парковку, лиру
и отдельный вывоз мусора,
вдруг требует отрезанных голов
и подкрепляет свою просьбу

действием, которого мы, право, не могли предполагать, —
и весь этот полный терпимости мир современной культуры
сглатывает кровь, сдерживает спазмы
и учится видеть сильные стороны
нового заказчика —
и находит их...

*...в какой момент они меня списали?
за что я выбран на убой?
была ль причина?
несовременен? просто слаб? молился не тому?
или всё-таки рожден был жертвой? —
они договорились
считать причину важной,
у них такой общественный и прогрессивный договор:
за что-то сразу отрезать башку...*

...боги системы применяют насилие,
отнимая у людей их жизни,
вызывая тем самым духов терроризма,
отнимающих у человекoв жизни...

...вопрос один: ты веришь в тайну? —
не в тайны, не в секреты,
не в чудеса, не в фокусы,
а — в Тайну,
из которой в результате
обычных действий с обычными вещами
у всех на глазах
почему-то возникает новый человек
из старого ничтожества?..

...тут люди интересуются:
бывает ли, например,
третье рождение?
четвёртое?..

*...Господи, прости глупцов —
но лишь после того, как смерть
моя до них дойдёт, когда мой голос,
не мой, но самой моей жизни
уже после меня поднимет ночью,
что-то освещаая в их нутре;
прости их, Господи, когда им станет страшно...*

...обыватель всегда ищет бога,
который должен ему разрешить убивать;
доказательство этого права
представляет собой сложную систему правил,
знать которую целиком невозможно,
разве что — отдельные места лабиринта,
да и к тем каждый год выходят поправки,
а потому — тезис о жертве
всегда предмет веры,
точнее — неверия...

...в то, что
Кто-то знает, зачем ты создан,
какие ты силы пока скрываешь,
с какою целью они тебе нужны —
и миру нужны,
которому не хватает сил
любить...

...в то, что ты можешь с Ним говорить,
делиться прочтениями обстоятельств,
дискутировать о соответствии
своих действий и мыслей
замыслу себя,
представимого и в качестве Творения,
просить прощения, просить, испытывать вину
за фразу в разговоре,

за мелочность и подозрительность,
за поступки —
и в этом разговоре
не возникает образа какой-либо иной жертвы,
нежели Его
или твоя...

Невидимка

зеркало
души

Сколько их — людей, которых
можно увидеть лишь с очень близкого расстояния,
наткнувшись на них, как на столб,
и — вторая ошибка — потом задержаться взглядом,
покуда не сдавит горло, —
сколько их, сказать трудно, поскольку
мы их совсем не видим,
но кто заглядывал под капюшон, тот знает,

капюшон

тьма /
сцена

как мир внезапно погружается во тьму,
как взгляд становится любительским фонариком,
вырывающим лишь несколько

шагов земли, мелькающие ноги,
как пара человек с рожденья по сю пору
пьют каждый день до дна твою любовь и жалость,
только им и доведётся быть тебе
братьями, отцами,
жёнами, любовницами,
учителями и детьми —
твой мир богат ролями больше, чем актёрами, —

сдавленное
горло

актёры

поэтому, вступив в непреднамеренный контакт
и заглянувши в моё зеркало души,
не удивляйся выбору:
великим умереть на моей сцене
или пройти и согнуться для себя.

непредна-
меренный
контакт

выбор

Родина облако

облачко пара

Родина моя — облачко пара,
выдохнутое холодным утром,
остров фантазии, настолько лёгкий,
что его поддерживает на лету
тёплое дыханье,

первый
встречный

и больше всего я любил места,
из которых чаще сбегал туда,
рискуя, что по возвращении
я обнаружу, что перестал
быть носителем здешнего наречия,
а значит — первый же встречный
разделается со мною лично
или сдаст в полицию,
и я погибну, так никогда и не узнав,
по какой причине;

глобален /
локален

открытый рот

воображение — опасная привычка:
оно всё начинает сначала,
и это всё труднее —
мы столько придумали
уровней подавления,
что это трудно,
на это уходят все силы,
на то, чтоб оторваться, и
не остается уже никаких
на то, чтоб вернуться,
проснуться на фразе
«Это Ростов, детка»
или лучше: «Здесь так себя не ведут»;

остров
фантазии

воображение

бегство

однако и образ планеты,
её непрекращающейся ни на секунду гибели,
жестокости, тень которой
сравнима с собственно тенью,
преследующей любой освещенный объект, —
этот образ невыносим,
несовместим с продолжением жизни,
он не разрывает лишь разум, который
предварительно разорвал себя сам,
якобы во спасенье, — то есть

я настолько же не глобален
в природе своей, насколько и не локален,
как сейчас выражаются культурологи,
а потому — только облако:

вон, у горизонта одно
стоит вертикально, подобно взрыву,
как результат того, что внизу
кто-то замер с открытым ртом
и простоял так довольно долго,
нам, конечно, не видно его,
я стою на одной ноге, балансирую,
меня уже сносит в сторону,
но я еще в нем побуду чуть-чуть.

Прощание с героем

Иногда, попрощавшись
с надеждою одолеть
другость одним лишь словом,
потеряв
всякую веру в трибуну,
ты понимаешь вдруг, что от тебя остаётся
скелет из случайных слов
и больше нет мышц для шевеленья, —
и тогда ты надеешься, что
есть жизнь после смерти
надежды, — эта жизнь вершится там, внутри
родного языка, и это, может,
именно то место, где ты и мечтал
построить дом, когда у микрофона
твой взгляд горел, а голос
дрожал, как будто эта страсть
способна отворить дом языка
тебе, а значит, и кому угодно, —
однако световая скорость страсти
всегда выносит говорящего с орбиты
в бесконечную вселенную сплошного
изумлённого молчания, в котором
теряются и звёзды, и герои.

прощание
с надеждою

родной
язык

случайные
слова /
молчание

дрожащий
голос

дом
языка

световая
скорость
страсти

выносит
с орбиты

Смешанный лес

голый

Старик ещё и не был стариком,
когда на площадях, пригодных под картофель,
он посадил деревья, первые деревья —
и положил себе на каждый юбилей
и на особенный приятный повод
сажать дубок, ольху, орешник,
чего ещё потребует душа, —
а та действительно просила,
просила: медленней, ещё, ещё,
в темпе флегматичной древесины,
остановись, живи, как будто
десятилетие, а может быть, и век
пройдёт до следующего шага,
покуда ж удовлетворимся
и миллиметрами прироста, даже
самим стояньем враскоряку,
недвижные изгибы — тоже труд... —

старик

медленно /
как порох

дубок, ольха

недвижные
изгибы

кто мог его понять тогда,
когда, как порох, выгорали души
и мы не знали, как закончим день,
закончим ли... —

и он теперь старик,
и я уже седой, что тоже странно,
поскольку никогда не думал,
что доживу,
и смешанный искусный лес
над головой
шумит на все лады —

§
темп
флегматичной
древесины

стоянье
враскоряку

и я как будто голый.

VII

Из забракованных
текстов

Взгляд художника

Я гулял в своем воображении
по самой европейской из стран
и набрел на перформанс
 под названием «Взгляд художника»:
женщина в красном в центре пустого зала
с влажными губами и воспалёнными веками
медленно открывала глаза, выныривая из себя,
и дарила свой взгляд первому встречному,
подходящему в порядке живой очереди, —
акция длилась восьмье сутки —
как не удивиться
скоплению людей: для них
есть сама роль художника, — однако

чего они идут? увидеть обезьянку?
убедиться, что художник — человек?
усомниться, что вот это существо — художник?
усмехнуться над усталой женщиной
с розоватыми белками?
или — показать себя?
может быть, в надежде
быть увиденными,
рассмотренными вблизи?
и тот, кто в принципе способен рассмотреть,
может быть, уже художник? —

возможно, мы уже не видим в формах,
не узнаем в кубах усталых глаз,
а нарисованные прямо
они уйдут на службу государству
или, не дай Бог, религии;
мы знаем всё о том, на что способен

перформанс

первый
встречный

рассмотреть /
показать

влажные
губы

живая
очередь

кубы
усталых глаз

выныривание
из себя

художник — думаем, что всё;
и он — или она — поверил нам —
сидит вот, бедный, борется одновременно
со сном и новым взглядом,
который её лапает прилюдно, —
хочется накинуть шаль и увести в кроватку.

Права поэзии

пастух

Праздность воспой и разгул
чувств, сочетание красок,
запах тела и отщепенства —
мы назовём тебя поэт;

мёртвый

но не заикайся о правах
человека без ссылки на подшивку посланий
Федеральному собранию и доклад Всемирного банка,
не надо и про общество — оно удел науки,
природа симпатичнее на фото,
миф о творчестве лишь капля в море рынка,
про власть не начинай — смешно:
что ты можешь знать о ней, пастух? —
и про любовь не смей, пожалуйста, —
о ней уже давно всё знает церковь;

человек /
возможный
человек

запах
тела

есть, впрочем, маленькая щелочка,
грязная, вонючая,
никому туда не хочется,
но, говорят, оттуда
прекрасный вид на мир, —
в той щелочке поэзия,
ты полезай в неё;

маленькая
щелочка

если ж ты отроешь рот о человеке,
о помыслах его, о силах,
о том, зачем ему необходимо общество
и почему — любовь,
будешь тут же пустое место,
будешь невидим, неслышим, презрен,
как безродный безумец, который
пришел отобрать у нас всё;

пустое
место

не заикайся

если хочешь начать разговор
о том человеке, который возможен,
то предъяви его нам сначала,
сотвори его из себя, испытай
на нём многообразие мира, посмотри,
останется ли что, и предъяви,
предъяви его нам мёртвым.

Закон суров

терпение

Закон высшей справедливости
примерно таков:

даёшь одному,
а возвращает совсем другой,
но — обязательно возвращает,

рядом

оттого есть люди рядом,
в которых ты кричишь, как в бездну,
и хочется схватиться за грудки и потрясти,
чтоб вытрясти хоть что-то, но
эта справедливость, видимо,
была бы низшей, —

как в бездну /
идущие
с дарами

а есть
идущие с дарами мимоходом,
и можешь разве что сказать о них,
что вроде где-то ты их видел,
и не было бы их, когда б не путь сомненья,
путь терпеливой муки,
несправедливости со всех сторон,
кроме единственной,
куда дано проникнуть лишь надежде.

где-то видел

путь
сомненья

справедли-
вость

надежда

Предметные указатели

☺ герой

- аплодисменты 59
безликая сущность 14
взгляд 82
возбуждение 44
все эти приключения 35
главное — в придаточном 39
голос 31
голый 104
горчащая свобода 27
древо жизни 9
жертва 94
зеркало души 100
зритель 68
исключительность 89
каждый 16
мысль 81
на коротких ножках 60
недогулянное детство 19
незнакомое «я» 46
ненасытность 49
нищий духом 15
новое имя 43
обезвоженный организм 80
обида 30
облачко пара 101
обрубок 85
одна черта 20
опьянение 87
ороговевшая мозоль 36
пастух 109
перформанс 104
порыв ветра 77
порядок слов 66
поэт 74
пребывание в полноте 28
природный интроверт 54
пробирка 71
прощание с надеждой 103
путь 34
ремесло 72
русская классика 32
свобода 12
сидеть под ночником 33
сильные добрые люди 79
смотреть в окно 38
собеседник 62
собственный язык 11
состоянье дремы 18
спасительная роль 84
стесняющаяся душа 47
страсть 83
терпение 111
уязвимость 50
хор 51
художник 64
Цой 70
чувство красоты 21

другой

- беглец 66
беспорядочные связи 87
Бог мирового искусства 31
ветераны необъявленных войн 16
вибрирующее лицо 36
всё будет по-другому 35
герой мифа 39
голое тело 68
горячее существо 82
другая мысль 81
друг детства 12
жить без надежды 33
зубило 74
капюшон 100
кубический долг 9
лаборант 71
любовь 47
любящий человек 19
мёртвый 109
мимолетные впечатления 49
монумент 28
мы победили 43
мыслители в свитерах 11
на грани уныния 89
называешь меня художник 38
напряженье полноценной жизни 85
не изменился 34
неоформленное желанье 80
несправедливость мира 94
никакой возможности проснуться 18
ножичек 70
образ набухшей боли 20
особенное сословье 51
остатки того мира 27
остолопы 60
первый встречный 101
первый встречный 107
победа жизни 32
политики 64
предложение себя 50
прохожие 79
путник 77
разбившийся человек 15
разбросанный человек 62
родной язык 103
рядом 111
следы жизнедеятельности 72
старик 104
статусы 44
тварь ничтожная 54
твёрдо знал 46
тянется к высокой ноте 59
цветок опадает 84
чернобровка 83
чужая кровь 14
шакалы 30
штамп и графарет 21

↓↑ КОНФЛИКТ

- близкие / чужие 30
вера / сложная система правил 94
вехи / вещи 34
виновен / невиновен 70
впечатленье / удовольствие 80
время понимать / время судить 33
гармония / вырождение 15
глобален / локален 101
горечь и сладость 27
деловая и духовная жизнь 12
душа / гармония 59
живое тело / холодное
 пространство 19
живое / целое 72
жизнь / поэзия 87
защищённость / беззащитность 79
зрелость / незрелость 85
избранный / баран 89
имитация / эффективность 44
как в бездну / идущие с дарами 111
красивые и чужие 39
красота / общее место 21
крошки в пальцах 38
кухни / факультеты общественных
 коммуникаций 11
медленно / как порох 104
неготовность быть с чужими /
 устройство городов России 54
не про тебя / про тебя 35
не сохранить / не уничтожить 36
обезличенная геометрия /
 настоящая жизнь 77
образцы кала / образцы
 возбуждения 71
орнамент / фигуры 9
память / забвение 16
пар / камень 68
периферия / империя 31
поэзия муравья / поэзия Гёте 49
поэзия / сцена 60
прижиматься / расширять 82
разрыдаться / ухмыльнуться 50
рассмотреть / показать 107
растворение / независимость 14
самодостаточный / бесформенный 28
свобода / слепота 64
связи вещей / распавшийся мир 81
слово / проблема 43
сложность / простота 74
случайные слова / молчание 103
смерть / жизнь 84
степь / отклик 83
судьба / история покруче 20
теснота / простор 47
тупорылый хаос / правила 51
тьма / сцена 100
унижение / достоинство 66
учебник жить / учебник умирать 32
фантазия / реальность 18
целое / элементы 62
человек / возможный человек 109
чужой голос / родной мир 46

❄️ деталь

- алкоголь по утрам 87
бутыль шампанского 30
великодушные во взгляде 59
влажные губы 107
где-то видел 111
гимн великой поэзии 60
глаза, светящиеся в темноте 27
дерево познания в горшке 66
дрожащий голос 103
дубок, ольха 104
заевшая молния 54
запах розы 21
запах тела 109
записки на салфетке 18
зерно воздуха 33
игла патефона 36
капля в мочевом пузыре 80
клетки органики 62
книги, фильмы, клипы, анекдоты 35
колющийся свитер 34
копошение пичужек 12
кресло 28
кровь на одежде и руках 64
к стеклу приставший лист 50
мазня 31
маленькие книжки 49
мелкий дождь 72
мерцающая линия 9
неверная запятая 74
несколько ягод малины 20
облачко над столиком в кафе 39
озоновые дыры 51
оранжевые робы 94
осколок 15
основанье затылка 44
остатки губной помады 70
открытые двери 81
открытый рот 101
палец 32
плевок в лицо 84
подвешенный к потолку
 телевизор 77
прозрачная банка 71
просроченные лозунги 43
пустые трибуны 16
ритм 19
рубаша с попугаями 46
рука взрослого 89
рядовой четырёхчасовой обед 11
сдавленное горло 100
сжатые губы 68
страница книги 82
теплая ладошка 79
уголок соснового леса 47
хмурое впрок лицо 14
цвет лепестков 85
шепот 83

- актёры 100
бабочка суровых будней 77
биоматериалы 71
вкус свободы 34
внутренние органы 32
границы внутреннего мира 47
девичий рот 20
дом языка 103
дорога к дому 18
жадный взгляд 30
живая очередь 107
злое божество 94
изгиб реки 12
картины в твоей голове 38
колтун 11
колыбель 19
коммуналка 64
красивый добрый страшный
 лживый смелый человек 39
кривая речь 15
кулак вселенной 82
лицо подруги 68
маленькая щелочка 109
мелодия из ничего 59
милый оттенок 33
наивная безграмотная «смута» 43
недвижные изгибы 104
неосвоенный мир 54
одно рукопожатье 81
озаренье 89
остров фантазии 101
очень простая мелодия 70
подавляющее большинство 66
положение тела 28
поляна 49
поэзия в жизни 87
причинное место 79
провинциальный губернатор 31
пульсирующая полнота 44
пустые глаза 83
путь сомнения 111
разговорчивые члены 62
ручей чувственности 9
свои сто метров 51
семя в мошонке 80
случайная встреча 74
смертники с передовой 36
созревающий кофейник 27
судьба 35
такие времена 16
толпа 60
трубочка детали 50
цветастая фраза 84
цветущий инвалид 85
человек как город 72
чёрное одиночество 14
чужой голос 46

§ абстракция

- акт жизни 35
- вакансия дикаря 31
- великое чувство 47
- взгляд Бога 87
- власть 60
- возможность состояния 19
- воображение 101
- восьмилетняя стагнация 44
- господствующий стиль 46
- готовность терпеть 83
- две бездны 50
- долгота дыханья 81
- дуновенье духа 49
- желанье начать заново 12
- залапанная геометрия 9
- запах осени 77
- золоченая клетка глянца 68
- иерархия забытого 66
- иная форма жизни 27
- интерес искусства 64
- искра профуканной жизни 36
- круглосуточная катастрофа 94
- крупные вещи 33
- кубы усталых глаз 107
- ложная дилемма 85
- маховик насилия 28
- напряжение разговоров 39
- незажившая рана 20
- непреднамеренный контакт 100
- не худший вариант 30
- новые варианты 84
- обещание спасенья 34
- объятыя песни 59
- очевидное чудо 54
- первое воспоминание 89
- податливая масса мира 74
- почиканный перышком стих 70
- промытая внутренность 80
- простые и сильные чувства 11
- профессиональный
 - потребитель мира 14
- пустое место 109
- результаты анализа 71
- световая скорость страсти 103
- скрепляющая сила 72
- собрание человека 15
- созревшее творенье 21
- список достойных 16
- сплошная гомогенная среда 32
- справедливость 111
- страх бесплодности 79
- темп флегматичной древесины 104
- утерянное самосознание 62
- художник 38
- центробежная сила 82
- эмпирей 18
- язык античной драмы 51
- языковой прогресс 43

МОТИВ

- бегство 101
бессилие 66
бессилие, предвкушение 21
вседозволенность 31
встаёт с колен 70
выбор 100
выносит с орбиты 103
выныривание из себя 107
выпутывание 11
голос 94
горько представлять 34
губительные выводы 84
держаться 82
диета и воздержание 71
иллюзия порядка 51
истощение 80
мало воздуха, стыдно вспоминать 27
мимолетная роль 77
надежда 111
насилие 64
небывалая рыбалка 18
невинно и искренне 19
невоспроизводимая связь 9
не заикайся 109
не пытаться 43
не улетать во тьму 33
обживание 81
память и слёзы 16
питаться от малого 38
повышенная выживаемость 32
подмена 60
показалось 83
потрясение 68
предательство 79
проблеск уверенности 46
просто уходим 44
противоестественность 85
прощение 30
расплата 50
собрание воедино 72
собирательство 49
совпасть с собой 35
сон и счастье 14
сотворить себя 20
спасенье 28
стихия 62
стоянье враскоряку 104
страшно 47
терпение 36
терпение и сила 54
труд, надежда 15
уединение 12
умопроясненье 39
упоенье 87
чувство предвкушения 89
шанс услышать 74
щедрость и забота 59

Содержание

I

Рисунок дерева.....	9
Потерянный язык.....	11
Исходная точка.....	12
За минуту до пробуждения.....	14
Вопрос о верлибре.....	15
Очередь на разговор.....	16
Догоняющие сны.....	18
Эффект колыбели.....	19
Судьбоносная деталь.....	20
Тема розы.....	21
Место для заметок, которые станут искусством.....	23
Пример письменной речи.....	24

II

Вкус кофе.....	27
Положение в кресле.....	28
Морок.....	30
Искусство по понятиям.....	31
Чужой.....	32
Держаться за воздух.....	33
Свитер.....	34
Поцелуй.....	35
Я их видел.....	36
Любовь.....	38
Примечание к замыслу.....	39

III

Прогресс	43
Похищение России	44
Ролевое слово	46
Внутри любви	47
Перемена поэтики	49
Бездны	50
Большой спорт	51
Ребёнок терпит	54
Будущее и лазертаг	55

IV

Певица нас прощает	59
Сцена	60
Пятна нормальной речи	62
Искусство занято	64
Иерархия забытых вещей	66
Вокруг красоты	68
Не остаться в этой траве	70
Сбор спермы	71
Перед погружением — подышать	72
Другой шрифт	74

V

Выход осени	77
Эрос	79
Танатос	80
Нить	81
Как я помогаю вселенной	82
Пленница степей	83
Комнатный цветок	84
Ювенильный цвет	85
Как я в итоге остался должен	87
Он не видит своих глаз	89
Читатель пишет второй верлибр	90

VI

Пространство для веры	93
Тема жертвы.....	94
Невидимка.....	100
Родина облако	101
Прощание с героем	103
Смешанный лес	104

VII. Из забракованных текстов

Взгляд художника	107
Права поэзии.....	109
Закон суров.....	111

Предметные указатели

герой	113
другой	114
конфликт	115
деталь	116
образ	117
абстракция.....	118
мотив	119

Литературно-художественное издание

Козлов Владимир Иванович

Красивый добрый
страшный
лживый смелый
человек-невидимка

Редактор А. В. Переверзин

Корректор О. А. Тузова

Оформление и макет:

Мастерская Антона Чёрного

Подписано в печать 1.03.2020

Формат 70х100/16. Усл. печ. л. 9,7

Бумага офсетная. Печать цифровая

Гарнитура Century Schoolbook

МАСТЕРСКАЯ
АНТОНА
ЧЁРНОГО

ОФОРМЛЕНИЕ И ИЗДАНИЕ КНИГ
Москва • Вологда • Ростов-на-Дону
www.chorny.pro • chornyanton@gmail.com

«...ЧЕЛОВЕК-НЕВИДИМКА» — четвёртая поэтическая книга Владимира Козлова — и первая, написанная верлибром. Книга писалась десять лет — с 2010 по 2020 годы.

“...человек-невидимка” — произведение, что называется, оригинального жанра: книга-разговор. Разговор с предполагаемым собеседником, которым, как надеется автор, можешь стать и ты, дорогой читатель. И дорогой читатель довольно быстро вовлекается в этот разговор, его почему-то не хочется прерывать. И понятно почему: Владимир Козлов — автор, чей ум и наблюдательность очень нетривиальны; они заходят в наше сознание с той стороны, откуда не ждёшь. Его речь очень убедительна; он старается высказаться исчерпывающе и предельно честно. Этот разумный, внутри очень напряжённый, но внешне спокойный, несколько скептический рациональный тон — большая для стихов редкость. Он прочитывается как внутренняя новация: новация помимо тех средств, которые привычно заведуют новизной. То есть новация особенно непривычная. «Это не столько стихи, сколько пятна нормальной речи, островки утерянного самосознания...». Возможно, это и есть стихи сегодня.

Михаил Айзенберг

Все стихотворения написаны одним предложением. Тексты при желании можно было разбить на короткие отрезки, но автор оформляет их именно так. Автор очень точно уловил, что ассоциативное напряжение нарастает с большей интенсивностью, если не делать долгих пауз, а значит не прерывать предложения.

Александр Переверзин

Этот род письма Козлов развивает довольно осмысленно. Он пишет их так, чтобы каждое стихотворение составляло единое предложение, единый синтаксический выдох.

Игорь Караулов

ВЛАДИМИР КОЗЛОВ — поэт, литературовед, журналист. Руководитель Аналитического центра «Эксперт ЮГ». Издатель литературно-исследовательского журнала о поэзии «Prosōdia». Автор книги «Русская элегия неканонического периода» (М.: Языки русской культуры, 2013). Предыдущая книга стихов — «Опыты на себе» (М.; Воймега, 2015). Лауреат премии фонда А. Вознесенского «Парабола» (2017). Живёт в Ростове-на-Дону.